

Ничего личного — только КРІ

В чем причина все разрастающихся репрессий? Ни в чем, кроме как в аппетите

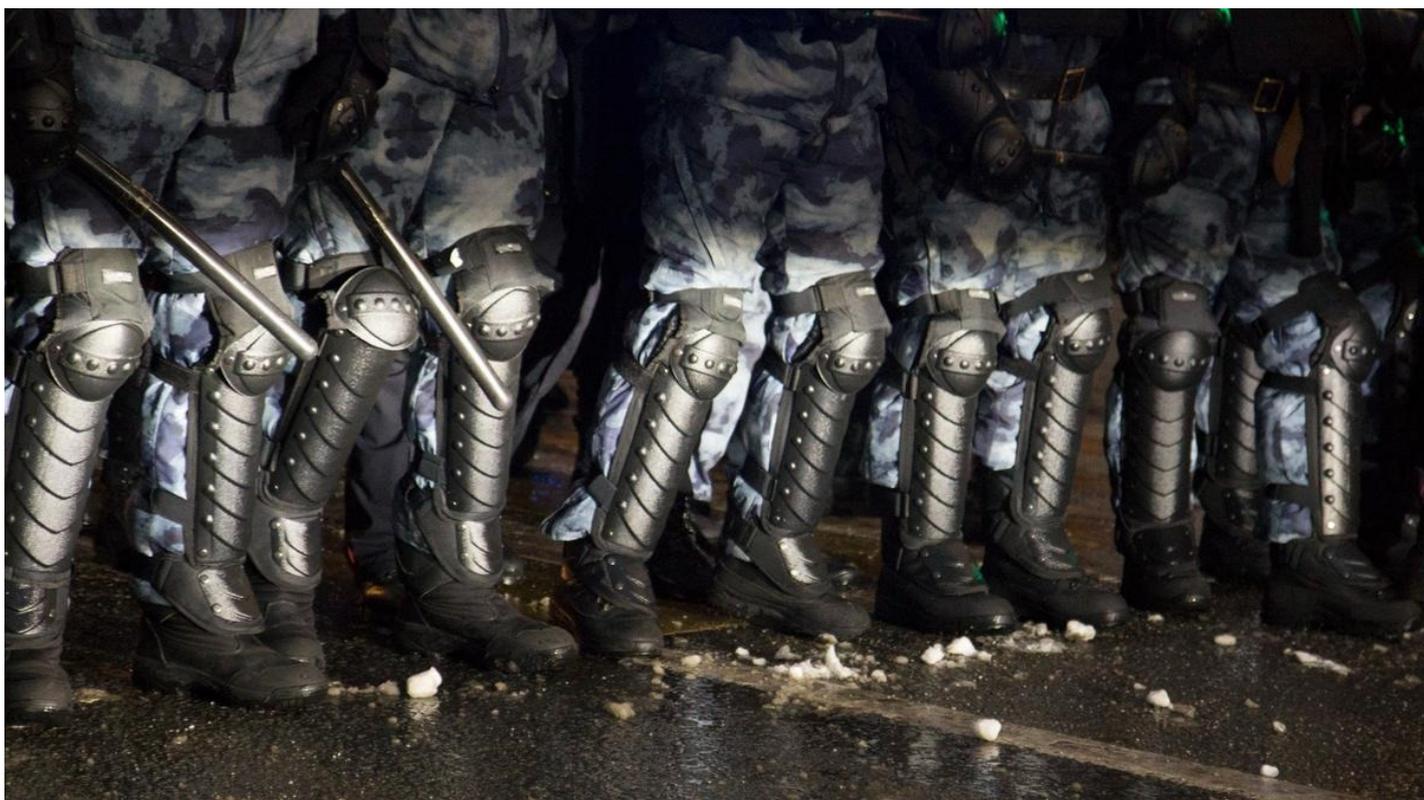

Фото: Светлана Виданова / «Новая газета»

10:54, 29 ноября 2024,

Борис Вишневский*

обозреватель

18+. НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ (ИНФОРМАЦИЯ)
ПРОИЗВЕДЕН, РАСПРОСТРАНЕН И (ИЛИ) НАПРАВЛЕН
ИНОСТРАННЫМ АГЕНТОМ ВИШНЕВСКИМ БОРИСОМ
ЛАЗАРЕВИЧЕМ ЛИБО КАСАЕТСЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ИНОСТРАННОГО АГЕНТА ВИШНЕВСКОГО БОРИСА
ЛАЗАРЕВИЧА.

Недавно Леонид Никитинский в «Новой» [заметил](#), что с началом СВО пришлось в спешке принимать новые репрессивные законы, а потом создавать для них еще более репрессивную правоприменительную практику.

То, что это происходит — бесспорно.

Мы наблюдаем нарастающую криминализацию инакомыслия, которая была отменена во время перестройки, став одним из главных ее достижений.

Но кроме констатации этого факта важно понять, почему это происходит.

Казалось бы, при разорванной обратной связи с обществом и возможности власти беспрепятственно действовать, игнорируя общественные настроения (а то и вопреки им), нет серьезной необходимости создавать обстановку единомыслия. Тем более что любой, кому доступен интернет, при желании может получить доступ к любым мнениям и оценкам происходящего.

Можно было бы вспомнить классическое «я это все прекрасно понимаю, как обострение классовой борьбы», но, в отличие от тех времен, мы и к социализму не приближаемся, и

враждующих классов не наблюдается (разве что некоторая междоусобная борьба силовых структур).

В обычной схеме трансформации авторитарного режима в тоталитарный (которую мы не раз наблюдали, в том числе в некоторых постсоветских странах) поиск врагов усиливается, когда правящим популистам надо отвлечь внимание от невыполненных обещаний. Чтобы было на кого свалить вину.

Фото: Арден Аркман / «Новая газета»

Но в нынешней российской конструкции и в этом нет необходимости, потому что полностью отключен механизм политической ответственности. За выполнение обещаний с президента спросить некому: для этого просто не осталось институтов, те, что были, — или уничтожены, или заменены декорациями.

Законы о наказании за «фейки», «дискредитацию», об

«иноагентах» и «нежелательных организациях», «экстремизме», «оправдании терроризма» и другие практически полностью повторяют (разве что некоторые понятия звучат иначе) диспозицию печально известной 58-й статьи УК РСФСР образца 1937 года.

Решения судов по «политическим» делам в 99% случаев predeterminedены: оправдаться невозможно, потому что суд не реагирует на аргументы защиты, переписывая в решение позицию обвинения. Стадия оценки доказательств или отсутствует, или превращена в формальность: все, что сказано государством и его органами, — истина, все иное — ложь, «фейки» или «дискредитация».

Наказания необъяснимо жестоки (порой они суровее, чем за тяжкие преступления против личности), даже при очевидно абсурдных обвинениях.

Конституционный принцип толкования неустранимых сомнений в пользу обвиняемого (как, например, в деле педиатра Надежды Буяновой) отброшен в сторону.

А столь же конституционный принцип презумпции невиновности заменен по «политическим делам» на принцип презумпции виновности тех, чья точка зрения отличается от точки зрения государства: их без всякого суда лишают гражданских прав и открыто называют «врагами» и «предателями».

Не помогают никакие публичные обращения в защиту обвиняемых по «политическим» делам, более того — уже не от первого адвоката слышу, что огласка ни в чем не улучшает

положение обвиняемых, но может его ухудшить.

Большой удачей считается условный срок вместо реального и домашний арест вместо СИЗО (необходимость держать в котором следователи безгранично усматривают с такой же легкостью, с какой суды с этим соглашаются).

Наконец, денонсированы международные конвенции и сделаны бессмысленными обращения в международные суды.

Однако, несмотря на все описанное, неуклонно повышается градус ненависти как к внешним врагам, окружающим нашу вечно осажденную крепость со всех сторон (и число этих врагов только множится, причем выясняется, что они всегда такими были, хотя в некоторых учебниках истории пока еще написано иное), так и к врагам внутренним, казалось бы, ни на что в стране не влияющим. И против них готовятся и принимаются все новые и новые репрессивные законы, положения и инструкции.

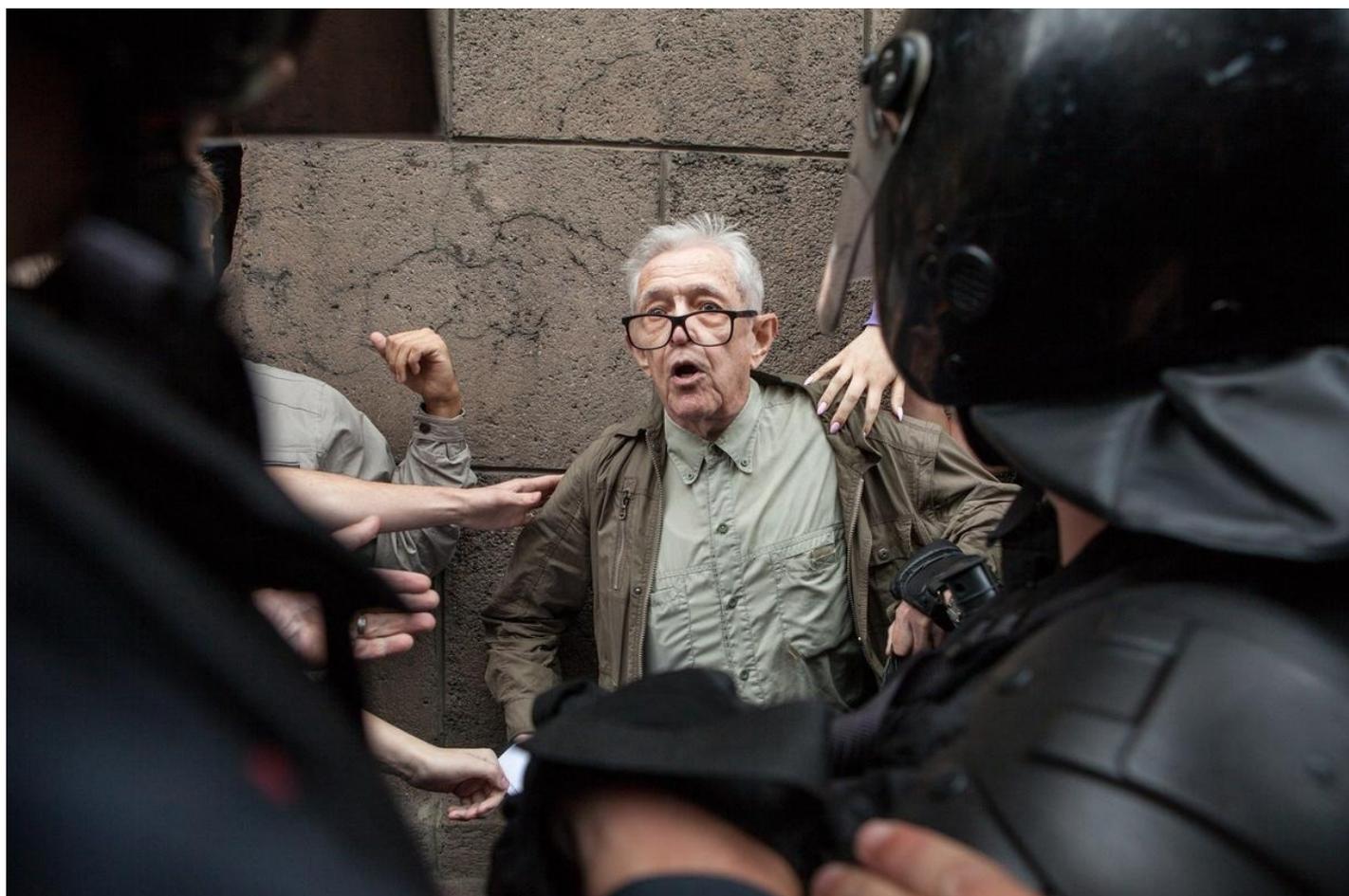

Фото: Елена Лукьянова / «Новая газета»

Так вот, повторим вопрос: зачем? Уже почти все закатано под асфальт, а асфальтоукладчик не унимается.

Самое простое объяснение (вспомним «бритву Оккама») заключается в том, что репрессивный аппарат, живущий по логике любой бюрократической системы и стремящийся показать начальству свою чрезвычайную нужность и важность, требует все новый и новый «корм», который бы оправдывал его существование и расширение.

Примерно как небезызвестный кадавр, неудовлетворенный желудочно, в «Понедельнике» у братьев Стругацких, требовал все новых и новых селедочных голов.

Как показать эту нужность, получить новые звания, должности, штатные единицы, средства на содержание?

Можно продемонстрировать впечатляющие успехи в борьбе с преступностью, коррупцией, наркобизнесом, воровством бюджетных денег, нарушениями прав граждан, нарушениями на выборах, незаконной застройкой, и так далее — но это путь трудный и порой небезопасный для борцов.

Есть путь куда более легкий и куда более безопасный: искать инакомыслящих и бороться с ними (тем паче они не скрываются) и все время увеличивать число потенциальных нарушителей, что расширяет возможности для этой борьбы.

А для этого нужны новые и новые законы, криминализирующие то, что раньше таковым не считалось и с чем «органам» легко и удобно бороться.

Самостоятельно «органы» принять (и даже инициировать) эти законы не могут, и им на помощь охотно приходят лоббисты, такое право имеющие.

Думские комитеты включают в себя немало людей, прочно связанных с «органами», в том числе — служивших в высоких чинах.

Но и те, кто формально не имел к этому отношения, всегда готовы поспособствовать — что, как им представляется, помогает продемонстрировать и верноподданность, и эффективность. Радуя начальство донесением до него информации о том, что о нем постоянно бдят и неуклонно пресекают и что готовы отразить любые происки его врагов.

Что называется, ничего личного, только КРІ.

Собственно, именно это мы и видим, когда очередные репрессивные законы вносятся в Думу четыремья с лишним

сотнями «соавторов» и голосуются практически единогласно всеми пятью практически неотличимыми друг от друга фракциями. Кто еще верит, что они чем-то отличаются, и ленится посмотреть на голосования, пусть потратит минуту, чтобы узнать, как стремительно исключали из эсеров объявленного «иноагентом» Олега Шеина: между объявлением и исключением прошло лишь несколько часов. Выяснилось, что он два с лишним года как разошелся с линией партии, но раньше как-то было недосуг отреагировать. И тут наконец-то, как в старом анекдоте, нашли время и место...

Кроме того,

конечно же, принятие новых репрессивных законов позволяет еще больше запугать остатки «несогласных», причем относящихся к разным профессиональным и социальным группам.

И параллельно — создав новые рычаги давления на «согласных», заставляя их опасаться в любой момент, в том числе, при выражении недостаточной преданности или, паче чаяния, сомнения, — стать объектами преследования. Ровно как у Евгения Шварца, которого я недавно в «Новой» цитировал: «Господин Дракон велел передать, что любое колебание будет наказано как ослушание».

По замыслу их авторов, репрессии работают как своего рода «цемент», скрепляющий здание Большого Страха, охватывая все новые и новые слои общества и обрастая все новыми и новыми «этажами».

Однако эта конструкция имеет принципиальный недостаток:

страх не может быть стимулом к развитию и созиданию.

И потому в любой момент — причем непредсказуемо — она может начать рушиться.

* Внесен властями РФ в реестр «иноагентов».